

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СПОНТАННОГО РАДИОДИСКУРСА

Статья посвящена анализу факторов, обуславливающих коммуникативно-прагматическую специфику спонтанного радиодискурса. Обосновывается, что радиодискурс представляет собой своеобразное единство, состоящее из множества текстов. Вводятся понятия «радиотекст», «макротекст», «микротекст».

Ключевые слова: радиодискурс, радиотекст, коммуникативно-прагматический аспект.

Одной из актуальных проблем исследования радиоречи как разновидности устной публичной речи является изучение её с позиции дискурсивной деятельности. Подразумевая под радиоречью, с одной стороны, речевую деятельность, реализующуюся в радиоэфире, и, с другой стороны, её результат – устно порожаемый текст (радиотекст), мы подчеркиваем, что специфика радиоречи определяется совмещением прагматических условий, свойственных дискурсивной деятельности в целом и характерных только для данного типа дискурса. Вторая составляющая позволяет, с нашей точки зрения, говорить о радиоречи как об особом типе дискурсивной деятельности.

Характеризуя вербальную деятельность СМИ как особый тип дискурсивной деятельности, исследователи в понятие дискурса, как правило, не вводят «ограниченный ни на тип речевой деятельности (устный или письменный), ни на участников этой деятельности (ср. монолог, диалог, полилог)» [1. С. 131]. Нам же представляется, что экстралингвистические обстоятельства, событийный контекст, коммуникативные установки, в которых протекает радиокоммуникация (как общие, отражающие социокультурные доминанты в обществе, так и частные, демонстрирующие особенности конкретной коммуникативной ситуации), дают основание считать радиодискурс своеобразным типом дискурсивной деятельности, отличительными особенностями которого являются также эксплицитная динамичность и ситуативность – особенности, характерные для реализации прежде всего в спонтанной радиоречи.

При выявлении специфики радиодискурса релевантно одно из наиболее устоявшихся и цитируемых сегодня в лингвистике пониманий дискурса, предложенное Н.Д. Арутюновой, вслед за которой под дискурсом мы понимаем «связный текст, в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии и механизмах их создания (когнитивных процессах)»; дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [2. С. 136–137]. Опора на приведенное определение дискурса подчеркивает ядерное положение текста в системе единиц коммуникации, в ситуации анализа звучащих средств массовой коммуникации – радиотекста, являющегося продуктом экстралингвистических факторов, его обуславливающих, и характеризующегося своими собственно языковыми специфическими особенностями.

Не отрицая значимости активно развивающихся аспектов исследования дискурса, и прежде всего, когнитивного, полагаем, что одно из приоритетных положений

должен занять коммуникативно-прагматический аспект, наполняющий современным содержанием изучение языка в его функционировании. Отмеченный подход позволяет оценить дискурс как форму взаимодействия между коммуникантами, что в аспекте изучения коммуникативно-прагматического своеобразия радиоречи представляется весьма значимым.

В этой связи целесообразно подчеркнуть особые экстралингвистические условия, в которых протекает радиокоммуникация, такие как дистантность, опосредованность, отсутствие визуализации, массовость слушательской аудитории, всеохватность (всепроницающая способность), скорость передачи информации, связь со временем, которая выражается в необратимости, одномоментности, линейности, непрерывности. Отмеченные факторы определяют характер радиокоммуникации и специфику организации радиодискурса и лежат в основе причин, обуславливающих его языковую неоднородность.

Другая причина неоднородности радиодискурса объясняется спецификой коммуникативной ситуации, в которой реализуются различные типы взаимодействия между коммуникантами. Радиокоммуникация, будучи разновидностью средств массовой коммуникации и разновидностью устной публичной коммуникации, осуществляется чаще всего опосредованно и дистантно, в результате такого рода коммуникации продуцируется монологический текст. В ситуации устной интеракции участники коммуникации (со-ведущие, гость в студии, дозвонившийся на радио слушатель) находятся в непосредственном контакте с радиоведущим, в результате появляется диалогический текст. Отмеченные формы взаимодействия между участниками радиообщения определяют разные типы текстов, которые создаются языковыми средствами, свойственными разным типам речи.

Набор используемых в радиоэфире языковых средств зависит также от жанровых и целевых установок, тематики той или иной программы, формата радиостанции. Так, для информационного вещания с установкой на объективную позицию ведущего характерна спокойная тональность текстов, отсутствие ярких речевых выразительных средств, ощущение сдержанности и объективности. На другом полюсе информационных передач находятся авторские информационно-аналитические программы. Как полярные разновидности видятся авторское прочтение текста официальной информации и запись, сделанная при помощи скрытого микрофона. Так же резко противопоставлены варианты речевого поведения участников информационных программ и информационно-развлекательных; второй тип характеризуется спонтанностью и, как следствие, высокой долей фатики. Между дикторским и спонтанным вариан-

том говорения в эфире наблюдается промежуточный тип, представленный речью корреспондента или комментатора, которая опирается на письменный текст, как дикторская, но включает различные элементы, способствующие созданию её непринужденности [3, 4]. Объединяет разные типы коммуникации то, что, вне зависимости от отмеченных факторов, осуществляется общение, т.е. «сообщение адресантом адресату некоего информативного и фактического содержания для воздействия на его интеллектуальную и эмоциональную сферы» [4. С. 18]. Таким образом, неоднородность радиодискурса предопределена разнородными условиями, в которых реализуется коммуникативный акт, и является результатом его жанрово-тематической разноплановости.

Отмеченные экстралингвистические особенности радиокommunikации обуславливают специфику структурно-текстовой организации радиодискурса. При разработке методологических подходов к её изучению актуализируется разноаспектный круг вопросов, к числу которых относятся, в частности, следующие: что считать текстовой единицей, коррелирующей с радиодискурсом; каковы границы радиотекста; каковы грамматические закономерности организации устных высказываний и их взаимоотношение в рамках радиодискурса и т.д.

Мы исходим из того, что за структурную единицу, организующую радиодискурс, можно принять эфирный час. Анализ эфирного часа на информационно-развлекательных каналах показал чрезвычайную пестроту его наполнения (даже большую, чем ожидалось по предварительным предположениям). Совокупность структурных блоков эфирного часа свидетельствует о том, что радиодискурс – явление весьма специфическое. При выявлении его детерминирующих признаков неизбежно возникает вопрос: что включать в понятие «радиодискурс»? Только ли фрагменты радиоречи, вербализующиеся реальными участниками радиокommunikации, произносимые однократно реплики (высказывания), спонтанные (или претендующие на восприятие как спонтанные) монологи и диалоги? Считать ли отличными от данных типов речевых произведений дискурсные фрагменты, подготовленные и прочитанные в качестве кратких самостоятельных информационных сообщений (прогноз погоды, сообщение о точном времени), а также собственно информационные блоки? Как оценивать включённость в радиодискурс рекламы? Какое отношение к дискурсу имеют различного рода «заставки» и музыкальные композиции, которых особенно много на информационно-развлекательных каналах?

Представляется возможным и вполне обоснованным расценивать все звучащие в радиэфире фрагменты (по крайней мере, в рамках одной радиостанции) как составляющие радиодискурс, отмечая при этом его ярко выраженную интертекстуальность («гиперинтертекстуальность») и дифференцируя ядро (собственно радиоречь – речь радиоведущих и других участников коммуникативной ситуации) и периферию – всё прочее.

Ядерное положение речевых высказываний монологического и диалогического характера, продуцируемых радиоведущими, едва ли может быть оспоренным. При том, что собственно речь в структуре эфирного часа на

информационно-развлекательных каналах занимает более чем скромное положение, радиоведущему удаётся создавать иллюзию постоянного диалога со слушателями через короткие фразы, реплики или диалоги с со-ведущими, дозвонившимися радиослушателями, гостями в студии. Такая тактика организации радиодискурса способствует тому, что наполнение эфира воспринимается не как мозаика из сообщений с ориентацией на информирование аудитории, рекламных сообщений и музыкальных композиций, а как целостное коммуникативное единство, ориентированное на взаимодействие, – коммуникативное пространство радиоэфира.

Так как пространство, в котором осуществляется радиокommunikация, не имеет реальных физических характеристик, оно «рисует» в радиэфире при помощи шумов, музыки и слов. Вневизуальность радио определяет преимущества и недостатки этого вида средств массовой коммуникации в сравнении с другими способами передачи информации и объясняет наличие в лексике радиоведущих многих радиостанций окказиональных единиц, цель которых состоит в «материализации» виртуального пространства эфира и в подчеркивании его «особости»: *Приз будет вручён в прямом эфире; У нас есть пять минут, чтобы совершить радиопутешествие в самые экзотические уголки планеты.* У окказиональных прилагательных, как правило, широкая валентность (к примеру, *русскорадийный стол, русскорадийные часы ходики, русскорадийная футболка*), что способствует и реализации одной из важнейших стратегических целей радиостанции – выделиться из ряда подобных, подчеркнуть своеобразие данного канала. Созданию материализованного радиопространства нередко служит метафора: *Певица поднялась на три грамофоновские ступени* (программа «Томский грамофон» на «Русском радио»); *Если вы к нам только заглянули, попытаюсь объяснить, чем можно объяснить такое скопление хитов; Приём пробок у населения* (программа на «Авторадио», в которой принимаются звонки с сообщениями о пробках на дорогах). В приведённых примерах очевидна установка на креативность, которая в спонтанном радиодискурсе является одной из коммуникативных тактик установления и поддержания контакта со слушательской аудиторией.

Однако основу речевого поведения в ситуации спонтанной радиоречи составляет стремление радиоведущих к диалогичности и интимизации общения, которое в условиях взаимодействия с массовым слушателем также служит причиной неоднородности радиодискурса. Мы исходим из того, что одним из дискурсообразующих факторов, обеспечивающих его языковое воплощение, является «прагматическая пресуппозиция» (термин М.Л. Макарова). В рамках данного исследования пресуппозицию мы связываем с условиями уместности и успешности высказывания, которые базируются на «контекстуальных условиях актуализации высказываний в дискурсе и их интерпретации» [5. С. 136]. Пресуппозиционная основа радиодискурса связывается, таким образом, с адресатом, т.е. с целевой аудиторией. Тактика диалогичности общения, будучи отличительной чертой современной устной публичной ком-

муникации, является одной из важнейших тактик взаимодействия с адресатом и привлечения внимания к радиостанции. Диалогичность общения как форма, направленная на кооперацию, достигается, в частности, благодаря специальным вербальным средствам, выступающим в качестве специальных маркёров выражения направленности текста на адресата. Ядерное положение среди них занимают специфические, спонтанно создающиеся обращения, этикетные речевые формулы, обращённые к радиослушателям, конструкции, апеллирующие к ментальному опыту адресата [6]. Современная ситуация устного публичного общения, к которому относится и радиокommunikация, отмечается смещением акцента с названия лица на привлечение внимания. Это проявляется в способах адресации, когда автор прибегает не только к традиционным, классическим обращениям, но создаёт свои, авторские, которые не отвечают грамматическим требованиям к обращениям, но «в коммуникативном смысле» выполняют функцию обращений.

Особое место занимают обращения, употребление которых возможно только в радиодискурсе: *господа радиослушатели, уважаемые радиослушатели; все радиослушатели в Томске, Северске и Томском районе; все, кто настроился на радио; все, кто нас слушает* и т.д. Формат радиостанции, т.е. совокупность определенных факторов, влияющих на стиль канала (тематика программ, стилистика вещания, выбор музыкальных исполнителей и др.), определяет выбор обращений, связанных с ситуацией общения и с конкретной категорией слушателей. Ср.: *Доброе утро, дорогие бойцы!* (начало программы для военнослужащих «Армейский магазин» на «Русском радио»); *Здравствуйте, мальчишки и девчонки! Доброе утро, дамы и господа! Приветствуем домохозяек и тех, кто на работе; Здравствуй, мужчина!* (обращение к конкретному лицу, дозвонившемуся в эфир). Следование языковой моде находит выражение во включении иноязычных обращений (*Ну что, buenos días, señores; Ну вот и все, дорогие amigos, вы дождались. Зовут меня мастер Гонсалес*), приёмов языковой игры (*Еще раз доброе утро, дорогие друзья, дамы и дамовладельцы; Что ж, уважаемые радиозастольники!* (обращение к слушателям программы «Стол заказов»)). На принцип кооперации работает тактика позитивного оценивания адресата: *Здравствуйте! Лучшие люди планеты, приветствую вас! Всем доброй ночи, всем неспящим, всем работающим. Тем, кто уснул, можно пожелать только хорошего настроения.* Интимизация и непринуждённость общения достигается совмещением в формах, выражающих адресованность звучащего текста, направленность на всех радиослушателей и в то же время на каждого конкретного слушателя. Ср.: *Тему легких ночей и легких пробуждений оставляю с вами. Всем пока-пока. **Всех вас без исключения мы рады были слушать. Счастливы вам; Всем здравствуйте, уважаемые! Или кнопки такие, или ручки мои еще не проснулись? Спасибо Гоше за терпение и всем большой привет!; Салют, любезные! Это Людмила Стрельцова. Сейчас будем слушать необычные песни, но не из-за их новизны, а, скорее, из-за их нераскрученности.*** Заметим попутно, что многие из обращений, ориентированных на непринуждённость, вызвали отрицательную оценку у опрашиваемых

в ходе анкетирования представителей целевой (молодежной) аудитории: по данным анкет, они «звучат пренебрежительно, фамильярно, не рассчитаны на широкий круг слушателей». Ср.: *Салют, любезнейшие! Стрельцова на связи. Обращайтесь! Привет-привет! 19 часов в Томске. Попробуйте позвонить, дорогие мои: мужчины, вдовы, убежденные холостяки. Звоните, пожалуйста.*

Итак, радиодискурс представляет собой сложное, неоднородное образование, являющееся результатом взаимодействия речевых структур разных жанров, со свойственной им социальной обусловленностью, стратегической целью радиостанции, индивидуальными предпочтениями ведущих радиоефира. Несмотря на отсутствие у радиодискурса четкой однородной структуры, представляется, можно говорить как об определенной целостности эфирного часа, так и о дискурсивном единстве радиоканала, учитывая, что он выделяется из ряда других своей ориентированностью на конкретного адресата, своей идеей (коммуникативной целью), содержательной лейтмотивностью, индивидуальным стилем, идущим от говорящего. Радиодискурс представляет собой своеобразное единство и потому, что его тексты содержат стандартные, повторяющиеся особенности, продиктованные коммуникативно-прагматическими условиями, в которых протекает радиокommunikация.

С точки зрения структурной организации радиодискурс состоит из множества текстов, ориентированных на различные типы коммуникации. Уникальность радиотекста как разновидности медиатекста видится в особом типе автора, специфической текстовой модальности, многообразном проявлении авторского «я», рассчитанного на включенность в процесс общения [7]. Осознанная обоснованность корреляции между понятиями «дискурс» и «текст», мы видим основания установить аналогичную корреляцию между понятиями «радиодискурс» и «радиотекст». Учитывая же описанные выше особенности радиодискурса (а следовательно, и радиотекста), считаем целесообразным оперировать понятиями «макротекст» и «микротекст». Под микротекстом мы понимаем синтаксически либо тематически связанную последовательность знаковых единиц, минимальную текстовую единицу радиодискурса, которая, как правило, характеризуется относительной краткостью и входит в состав более крупной текстовой единицы – макротекста. Макротекст в радиодискурсе – семантически и структурно связанная последовательность знаковых единиц, состоящая из микротекстов: например, программа по заявкам радиослушателей, включающая реплики ведущего, диалоги, музыкальные композиции, рекламные блоки, информационные сообщения разных типов. В контексте приводимых рассуждений уместно сослаться на Т.Г. Добросклонскую, которая отмечает, что «ключевое для традиционной лингвистики определение текста как “объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность”, при переносе на сферу масс-медиа значительно расширяет свои границы» [8. С. 29]. Оно превращается в совокупность вербальных и медийных признаков.

Сказанное определяет представление о языке масс-медиа, под которым, в широком понимании, мы подра-

зумеваем совокупность всех возможных средств выражения смысла в процессе массовой коммуникации (слово, звук, картинка), в узком понимании – вербальный язык, используемый при производстве письменных и устных текстов средств массовой коммуникации. Одним из принципиальных является вопрос об объеме в радиодискурсе пластов кодифицированного литературного языка и разговорной речи. Наблюдения показывают, что основу радиодискурса составляет система кодифицированного литературного языка, при этом отмечается активное проникновение в нее разговорных элементов, что отвечает состоянию современной устной публичной речи [9]. Эти выводы коррелируют с наблюдениями исследователей над изменениями языковой ситуации, характеризующейся сменой моноцентрической концепции (признающей литературный язык в качестве эталонного, универсального в функциональном отношении и в силу этого способного удовлетворить весь спектр коммуникативных ситуаций) бицентрической, отличительной чертой которой является то, что доминирующее положение получают «смешанные» тексты, которые постепенно превращаются из факта речи в факт языка [10]. Это связано с ведущей тенденцией развития языка, в качестве которой отмечается усиливающееся влияние разговорной речи на книжную

сферу и обусловившее не просто сосуществование двух подсистем языка: маркером времени стало то, что в рамках одной коммуникативной ситуации говорящий апеллирует к разным известным ему подсистемам, создавая «смешанный» речевой продукт, «смешанные» тексты, которые расцениваются исследователями как «результат отражения живого процесса развития языка и формирования нового коммуникативного стандарта» [11. С. 67].

Отмеченные в ходе анализа экстралингвистические условия, в которых протекает радиокommunikация, типы взаимодействия участников радиокommunikации, стремление к материализации радиопространства, жанрово-тематическая разноплановость и особенности структурно-текстовой организации радиодискурса, особый тип прагматической пресуппозиции, выражающийся в особых отношениях с адресатом, специальные способы языкового воплощения некоторых коммуникативных тактик дают основание прийти к следующему выводу: радиодискурс не является изолированным, он сочетает в себе черты как универсальные, свойственные другим медиа-дискурсам, так и специфические, при этом в общем дискурсном пространстве имеет самостоятельный статус. Основу специфических особенностей радиодискурса составляют коммуникативно-прагматические характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С., Цурикова Я.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2004. Ч. 2. С. 126–159.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Босый П.Н. Современная радиоречь в аспекте успешности / неуспешности речевого взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.
4. Формановская Н.И. Высказывание и дискурс как основные единицы общения // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей рус. яз. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 18–19.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
6. Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008.
7. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7–5.
8. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа-текстов: Опыт исследования современной английской медиа-речи. М.: МАКС Пресс, 2000.
9. Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // ВЯ. 1980. № 2. С. 61–72.
10. Нецименко Г.П. К проблеме функциональной дифференциации этнического языка. Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1.
11. Попова Т.И. Речевое поведение участников телеинтервью как отражение диглоссии индивидуума // Русское слово в мировой культуре. Русский язык и русская речь сегодня: старое – новое – заимствованное. Конгресс МАПРЯЛ. СПб., 2000. С. 66–73.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 декабря 2008 г.